

Галина Мамыко

Шалопайка

Роман (антиутопия)

Детство Катеньки: «Мама, не кричи на меня!»

Опять...

Сегодня мама опять много кричала на меня. Когда мама кричит, мне хочется вернуться к ней в животик. Но сейчас мой бывший домик занят, там живёт мой будущий брат. Что-то будет завтра. Неужели мама снова будет кричать на меня?

Снова...

Мама подарила мне братика, а папе Паше сына. Теперь мама и братик кричат вместе. Братик на маму, а мама на меня. А папа Паша молчит. Папа Паша любит молчать. А я люблю, когда он молчит. Потому что молчать – это лучше, чем кричать. Я называю папу так: «Папа Паша». Получается – «папапаша». Взрослые смеются. А мне не смешно. Если бы папа Паша был мне родным, я бы просто называла его папой. Но мой родной папа умер, когда я только родилась. Его звали Алекс. Он разбился на машине на горной дороге в Крыму. Больше я ничего о нём не знаю. Но я уверена, что он меня знает, видит и слышит. Ведь смерти нет, так говорит моя прабабушка Вера. Она говорит так потому, что её дочку, а значит, мою родную бабушку, сбила в Москве машина, и моя бабушка погибла. А прабабушка Вера говорит, что это не страшно, погибнуть. Страшно угодить в ад. Она говорит, что после смерти злые люди идут в ад, а добрые – в рай. Поэтому тут, на земле, нужно быть добрым человеком, и тогда будет не страшно умирать.

Когда у папы Паши выходной, он мажет маслом ломоть хлеба, посыпает сахаром, разрезает на квадратики, и говорит мне: «Катя, давай будем кушать паровозик с вагончиками». Папа Паша берёт меня на руки, носит по комнатам, и я кушаю вагончики с маслом и сахаром. Я люблю, когда у папы Паши выходной. Я люблю маму, папу Пашу и братика. А маму я люблю даже тогда, когда она кричит на меня. Каждый день мама снова и снова кричит на меня. Когда я слышу мамин крик над своей головой, у меня сжимается сердце. Мне хочется убежать на край света. Туда, где живёт Бог. Ведь Бог живёт на другом краю света. Там мама не сможет кричать на меня. Потому что Бог любит детей. И не разрешает на детей кричать.

Почему...

Почему мама на меня кричит. Она говорит, что я всё делаю ей назло. Но не хочет объяснить, что такое «назло». Когда она кричит, я плачу. Или когда я плачу, она кричит. Чем больше мама кричит на меня, тем больше я плачу. Или чем больше я плачу, тем больше она кричит. Мне очень трудно тогда остановиться. Я не умею останавливаться, когда плачу. А мама не умеет останавливаться, когда кричит. А я снова хочу вернуться к маме в животик. Мама, мамочка, пожалуйста, не кричи на меня. Мне очень страшно, когда ты кричишь. Ты тогда совсем не похожа на мою маму. А похожа на ягу, про неё показывали в телевизоре. Но ты ведь мама, а не яга.

Об тебе...

Мама, я об тебе всё время думаю. И учусь об тебя. Ты мой пример. Ты мой идеал. Когда у папы Паши выходной, он кушает вместе с нами и говорит: «Сегодня просто идеальный борщ». Я сказала папе Паше: «Едальный – это когда едят, а не едальный – когда не хотят есть?» Папа Паша сказал: «Не едальный, а и-де-аль-ный. От слова идеал». Я сказала: «А что такое идеал?» Папа Паша посмотрел на маму, улыбнулся и сказал: «Идеал – это наша мама. Идеал – это самое лучшее».

Когда я вырасту, я буду всё делать так же, как делает моя мама. Буду такой же красивой. Такой же доброй. Буду готовить такие же вкусные пирожки с повидлом. Я буду петь песни и гладить горячим утюгом бельё, как это делает моя мама. Ах, как я хочу поскорее вырасти, чтобы, наконец, мне никто не запрещал брать утюг, я тогда буду целыми днями гладить. Я тоже буду, как мама, в церкви зажигать свечи, а дома перед сном стоять на коленях перед иконами и говорить: «Господи, помилуй меня, грешную!» Я тоже буду носить в животике ребёночка, а потом ребёночек выпрыгнет из меня, и я буду его любить. И я буду такой же счастливой, как мама.

Но я не хочу вот что. Не хочу кричать на маленьких детей, как это почему-то делает мама. Папа Паша говорит, что мама забыла спрятать в чулан нервы, и поэтому ей эти нервы всюду мешают. Я ходила в чулан смотреть: там есть два пустых ведра, швабра, веник, старые газеты, но там нет нервов. Папа Паша всё правильно сказал. Когда я вырасту, то обязательно на всю жизнь спрячу свои нервы в чулан. Вот что я сделаю, когда вырасту. Мама, я всё время думаю об тебе. Я всю жизнь буду думать об тебе. Я тебя люблю больше всех на свете. На всю жизнь. Ты самая лучшая мама из всех мам. Не расстраивайся ты, мама, из-за того, что нервы не получается у тебя спрятать в чулане. Не думай, я тебя и с твоими нервами всё равно люблю и буду любить. И хотя мне очень трудно, когда ты кричишь на меня, я не перестаю тебя любить.

Сегодня мне...

Сегодня мне исполнилось три с половиной года. Об этом мне сказала мама. Скоро я стану большой. Осталось всего полгода.

Мой братик Витя во сне улыбается. А мама не даёт мне смотреть, как Витя улыбается. Мама дёргает меня за руку, я упираюсь. Мне становится обидно, мои брови сами по себе подсказывают домиком, я открываю рот, чтобы заплакать. Мама ещё сильнее дёргает меня за руку и так сильно толкает, что я падаю. Мама тащит меня за дверь. Захлопывает дверь и шлёпает меня по попе. Я больше не могу этого выдерживать и громко плачу. А мама громко кричит. За дверью просыпается братик. Он больше не улыбается. Он тоже плачет. Я смотрю на маму. Мама смотрит на меня. Мы обе плачем. Мама прижимает меня к себе и говорит: «Ах, я свинья, Катенька». Почему мама называет себя свиньёй, ведь она мама, она совсем не свинья.

Я смотрю, как мама качает на руках Витю, поёт «баю-бай», и вижу, как по маминым щекам бегут слёзки. Мне становится так маму жалко. Мне хочется её развеселить.

Я бегу в свою комнату, но там ничего нет интересного. Я бегу в мамину-папину спальню, там всегда много интересного. Беру с трюмо мамину помаду, рисую себе большой рот, этот рот улыбается, как тот клоун в цирке. В цирк меня водили Паша и мама с братиком, братик

ещё сидел в мамином животике и не мог видеть клоуна, но наверняка слышал. А я видела клоуна. Он был смешной и один раз погладил меня по голове, когда я побежала к нему туда, где он прыгал. Мама испугалась за меня, а папа Паша побежал за мной. Но не успел, а я успела, и клоун погладил меня по голове. А папа Паша опоздал, и его по голове клоун не погладил. Было так всем весело. И все люди вокруг смеялись и хлопали в ладоши. И мама улыбалась и даже не кричала на меня. Больше всего на свете я люблю, когда мама улыбается. Тогда вокруг становится будто света больше, и будто даже воздуха больше.

Я нарисовала себе помадой такие же губы, как у клоуна. Ведь если маме тогда понравилось в цирке и она смеялась, значит, и теперь ей будет весело. Я с толстым малиновым ртом до бровей прибежала к маме, она уже не пела «баю-бай», она укладывала Витю обратно в кроватку. Витя снова уснул. Я посмотрела на мамину спину, вспомнила, как бежали слёзы по маминым щекам и сказала: «Мама!» Мама оглянулась, посмотрела на меня и закричала. А Витя, вот молодец, не проснулся. Я думала, мама будет смеяться. Но почему, почему она закричала... Как странно. Почему ей не было смешно? Ведь я была похожа на того клоуна, над тем клоуном в тот раз мама так смеялась, так смеялась... А теперь она снова заплакала, и ушла в ванную, и закрылась, и плакала.

А я с малиновым, до бровей, ртом сидела под дверью и тоже плакала.

Я люблю...

Я люблю говорить «нет». Я люблю говорить «я сама». Мама любит говорить «нельзя». Папа Паша любит молчать. Братик Витя любит спать. Мама мне говорит много слов. Я говорю много раз «нет». Мама говорит мне «поросёнок». Я говорю «нет». Мама говорит мне «свинья». Странная мама. Конечно, я говорю «нет». Мама мне говорит «ах ты, мерзавка». Я говорю «нет». Мама мне говорит «замарашка». Я говорю «нет».

Мама одевает меня. Мы пойдём во двор гулять. Я люблю гулять. Но я не люблю одеваться. Потому что мне через голову мама натягивает футболку и свитер. Они узкие и в них застревает моя голова. Мама тянет футболку так сильно, и мне кажется, что у меня сейчас вместе с ней оторвутся уши с носом, а потом и голова. Я всегда вою, когда мама меня одевает. И кричу: «Я сама!» Мама кричит: «Ладно! Сама! На! Одевайся сама!» Мама швыряет одежду на пол. Я смотрю на маму, смотрю на одежду, топаю ногами и вою. Я знаю, что всё это я надену «кувырком», и потом мама будет ещё больше меня ругать.

Я не люблю, когда мама меня расчёсывает и заплетает косички. Я не просто вою, я ору. Мама тоже орёт. Мы орём вместе. Просыпается Витя. Теперь мы орём втроём.

На улице испортилась погода. Так сказала мама. Но разве может погода испортиться. Погода всегда хорошая, и мокрая, и сухая, и холодная, и жаркая, потому что во время погоды мы гуляем во дворе. А дома нет погоды. И дома нет песочницы, нет качелек, нет луж, нет горок, нет дождя, нет снега, нет солнца, нет тучек, нет травки. Я люблю прыгать в лужах, ловить ртом дождь, а зимой ловить ртом снег.

Во дворе мама кричит мне «туда нельзя!». Я кричу «нет!» и бегу именно туда. Я падаю, пачкаю колготки, на коленке появляются дырка и ссадина. Мама кричит «ах ты, засранка!» и бежит ко мне. Я вскакиваю, кричу «нет!» и убегаю, смотрю издали на маму и громко плачу. За маминой спиной в коляске просыпается братик, он плачет. Мама возвращается к братику, трясёт коляску и кричит мне: «А ну иди сюда, живо!» Я кричу «нет!», сажусь на

корточки, я вою, разглядываю свои коленки и сквозь слёзы смотрю на маму. Мама идёт ко мне, толкая впереди себя коляску, в коляске крутится и хнычет Витя. Я убегаю и кричу много раз «Нет! Нет! Нет!» Чужие дети катаются с горки, качаются на качелях, чужие мамы и бабушки стоят вокруг горки и вокруг качелей. Все на меня смотрят. Я прячусь от всех за деревом.

Вечером мама что-то говорит обо мне папе Паше. Я лежу в кроватке в детской комнате, двери во взрослую комнату и в мою открыты, потому что я боюсь, когда двери закрыты, и мама не закрывает двери. Я слышу, как папа Паша разговаривает с мамой: «Ты к ней относишься слишком строго. Катенька ещё мала для таких завышенных требований». – «Но она мне постоянно перечит. Да, она ещё мала. Но как может ребёнок в столь маленьком возрасте быть таким тираном? Она же маленькое чудовище! Она измотала мне все нервы! Она капризничает, отказывается от того, от этого, делает то, что я не разрешаю, убегает от меня, портит вещи, разливает чай, пачкает шторы, рвёт одежду, рисует на стенах, отрывает обои, открывает кран на кухне, намыливает в ванной стены дорогим шампунем, стащила крем для реминерализации зубов и съела полтюбика...» – «Ну так со вкусом же клубники, почему бы и не съесть». – «Тебе всё шуточки. А крем стоит почти тысячу рублей. Да дело, собственно, и не в цене, а в непослушании, она меня ни в грош не ставит, она меня не уважает, у неё всюду на первом месте собственное «я». Она стремится сделать именно то, что я не разрешаю. Понимаешь? Она всё делает мне назло! Она назвала меня балдой. Да-да, так и сказала: «Мама, балда, не мешай мне!» – «Ха-ха! Ну так она же просто копирует тебя. Ох, не могу, ха-ха!» – «Да ничего смешного, между прочим. Что будет из неё, когда вырастет, если уже сейчас она пытается сесть нам на голову?!» – «Ты заблуждаешься. Ты преувеличиваешь. Её «нет» – это сигнал о формировании личности. У Катеньки переходный возраст. И это надо уметь пережить. Надо уметь пережить переходный период в три года, а также и спустя десять лет, когда наступит пубертат. Надо в ребёнке видеть личность, надо уважать ребёнка, не унижать его, не тиранить. Ты говоришь, что Катенька тиран. А мне кажется, всё наоборот. В роли тирана скорее выступаешь ты». – «Да, я тиран. И что дальше? От этого открытия ничего не меняется. Я саму себя ненавижу за это. Никогда раньше, покуда у меня не было детей, я и не подозревала в себе столько мерзких черт, я просто превратилась в бабу-ягу. Я тираню, придираюсь, я раздражаюсь по пустякам, я стала склонна к рукоприкладству, любой неправильный шаг со стороны дочери меня выводит тут же из себя... Но как, как побороть свою гневливость?! Постоянная нервотрёпка, круговерть, пелёнки, кухня, пелёнки, и нервы, нервы, и» – «Я очень тебе сочувствую, но... Бывают ситуации, когда у людей нет детей, и они рады бы услышать детские капризы, а Бог не даёт. Давай лучше будем благодарить Бога за всё, что Он даёт нам. И не роптать. И терпеть. По-моему, это наиболее оптимальный выход. Как ты думаешь? Да и потом, далеко не так всё плохо, как тебе это кажется. Надо бороться с собой, а не с ребёнком. Дети – это одно из наиболее тяжёлых испытаний в духовном борении человека. Даже опытные подвижники благочестия признавали, что длительно находиться в детском обществе и не сорваться при этом в гнев далеко не каждому под силу. И тем значительнее победа над собой». – «Конечно, конечно, это всё так. Можно сказать, прописные истины. Но победить себя – это на деле оказывается тяжелейшим, зачастую мучительным и непосильным предприятием...» – «Разумеется. Это целая духовная наука. Чтобы находить общий язык с ближними, в том числе и собственными детьми, надо на деле, а не на словах творить заповеди Божьи. Ты разве забыла, чему нас учит Евангелие? Возлюби ближнего твоего, как самого себя. Любовью надо покрывать немощи ближнего, любовью духовной можно побороть самое, казалось бы, тяжёлое испытание со стороны искушающих тебя людей. Попытайся найти к своим необузданным эмоциям золотой ключик Христовой любви, открой этим ключиком сердце дочери, именно

через любовь научись преодолевать конфликты. Только не будем путать, конечно, с потаканием. Любовь научает нас мудрости, любовь научает нас терпению, любовь научает нас быть снисходительными к слабостям ближних. Любовь не умеет кричать, любовь долготерпит, не превозносится, не гневается. Любовь умеет быть строгой, требовательной, но при этом не способна терять самообладание... Прости, что занимаюсь вот такими, может быть, и банальными лекциями, пересказываю святых отцов. Но по-моему, тебе сейчас это необходимо. Тебе надо встряхнуться. Тебе нужен настоящий духовный душ. Пусть мои слова хоть как-то тебя освежат. Я не оратор, не проповедник, прости, что если где тебя обидел... Дорогая моя, нельзя, нельзя поддаваться унынию. Надо взять себя в руки. Надо молиться. Надо посылать, как говорил Паисий Святогорец, смс на небо. Ты должна стучаться Туда, наверх, как можно чаще, понимаешь, сигнализировать о своей беде, умолять, просить помощи, да и, в конце концов, каяться... Смирение, покаяние, терпение, вот столпы духовной жизни. А ты, похоже, совсем приуныла, моя дорогая. Ты забыла главное: мы христиане, с нами Христос, и именно Он наш Врач и Воздаятель, Помощник во всех наших делах. Он всегда рядом. Он слышит. Важно, чтобы мы о Нём не забывали. И лишь тогда Он сможет протягивать нам руку помощи, когда мы будем воздевать к нему свои руки. Апостол Пётр возопил, утопая, и тут же идущий по воде Господь поддержал его. Понимаешь, да? Помощь Божья, помощь Божьей Матери, помощь Ангелов, помощь святых угодников – вот на что надо надеяться и опираться. А ты говоришь, пелёнки, нервы... Все эти рассказы о нервах имеют оборотную сторону с точки зрения духовной. И название данному явлению извечное: происки бесов. Это они раздражают наши чувства, они воспаляют наши нервы, а мы, убогие и немощные в своей тленности, страстности, идём у них на поводу. Какие могут быть нервы, когда с нами Бог! Когда Матерь Божья держит над нами свой омоформ, когда Ангелы нам служат... Без поддержки свыше мы ни на что не способны. Быт затягивает с головой, мы погружаемся в этот быт, и теряем память о Боге. И тогда становится тяжело. Благодать отступает. Но стоит обратиться в мыслях к Богу, стоит воззвать, и уже легче, и уже силы приходят жить дальше... Впрочем, ты права, я тебе рассказываю общеизвестные истины. Со стороны легко рассуждать и знать то, знать это.... А когда самого коснётся искушение, тут только и держись, чтобы не упасть. И кто знает, будь я на твоём месте, как бы я себя вёл, что говорил бы, смог ли бы удержаться от гнева, тут за собой нужен глаз да глаз. Господи, помилуй нас, грешных...». – «Нет-нет, не останавливайся, говори, говори ещё, это не банально, это и правда как свежий душ, твои слова как глоток воздуха». – «Это означает, что у тебя самый настоящий духовный голод. А давай лучше почитаем авву Дорофея...» Папа Паша читает что-то вслух...

Мне ничего не понятно из того, что говорит папа Паша. Что говорит мама. Но мне понятно, что и мама, и папа Паша – оба любят меня, раз говорят обо мне, думают обо мне. Они меня любят. Мне становится уютно от этой мысли, и я засыпаю. И улыбаюсь во сне, улыбаюсь так же, как это делает мой братик, когда спит. Я знаю, мама любит смотреть на Витю, когда он улыбается во сне. Значит, и на меня она обязательно будет смотреть, когда я буду улыбаться во сне. И я буду знать, что мама меня любит. Только вопрос остался. Почему мама сказала, что я хочу сесть им на голову. Что это такое – сесть на голову? Наверное, это увлекательно, сидеть на голове у мамы или сидеть на голове у папы Паша. Но папа Паша на работе. Остаётся мама. Надо завтра спросить маму, можно ли сесть к ней на голову. Хотя бы один раз попробовать.

Рано или поздно...

Рано или поздно я научусь говорить так же, как это умеют мама и папа Паша. Они знают много таких слов, которые мне непонятны. Но я чувствую, я догадываюсь, что это очень

умно и очень важно. Всё то, что они знают, это наверняка очень важно. Если бы это не было важно, тогда зачем было бы всё это говорить.

Но мне непонятно, зачем на меня кричать. Зачем эти постоянные окрики. «Не ходи, не трогай, не смей, не лезь, прекрати, замолчи, не ори, закрой рот...» Я уже и сама знаю, куда нельзя, а куда можно ходить, что можно, а что нельзя делать. Мне всё давно уже понятно. Ещё когда мне был годик, уже с тех пор всё понятно. Этот мир вообще не такой и сложный. Зачем одно и то же талдычить, как это делает моя мама? Особенно часто мама кричит «закрой рот». Но как можно общаться друг с другом с закрытым ртом?

Мне больше не к кому обратиться. Рядом только мама. А папа Паша всегда на работе. А братик всегда спит. У меня центр жизни – это моя мама. Мне хочется ей отдать свой новый рисунок. Мне нравится, когда она смотрит на мой новый домик из кубиков. Я сделала совершенно новый вариант домика. Это было так сложно, кубики всё время падали, они не хотели держаться друг на друге. Очень трудно было установить крышу. Под неё я поставила подпорки из кубиков. И получилось. Этот домик. Какой он красивый! Но мне одной совсем не интересно смотреть на домик. Этот домик, его я делала с одной мыслью, что это я покажу маме. Я позвала маму. Мама не отзывалась. Я стала громко звать маму. Мама, иди, иди быстрее, смотри, какой домик я сделала! Но мама закричала с кухни: «Закрой рот! Остолопка, Витю разбудишь!» Как обидно мне было. Разве можно звать маму с закрытым ртом.

Я села возле домика и стала плакать. Я плакала всё громче. Мама прибежала и стала кричать на меня. Она кричала много слов. Она говорила, что я манипулирую. Какое смешное слово. Но я не знаю, что это такое, манипулировать. А раз я не знаю этого слова, то и не умею делать вот это самое, что означает это слово. Мама говорила мне, что я сведу её в могилу. Это просто никуда не годится. Разве можно такое говорить детям. Конечно, я стала ещё больше плакать. Могила – в телевизоре я видела, что это такое. Это когда человек спит внутри земли, и никогда не выходит наружу. Я не хочу, я совсем не хочу, чтобы мама оказалась в могиле. Зачем мама говорит такие вещи. «Мама, не надо в могилу!» – закричала я. Мама замолчала, посмотрела на меня и стала плакать.

Вот так часто бывает. После того, как мама кричит на меня, она плачет. И начинает называть уже не меня, а себя всеми теми словами, которыми до этого она обзывала меня. «Катенька, это не ты, это я гадость!» Потом мама садится на коврик рядом со мной, смотрит мой домик из кубиков и ещё больше плачет. Потом мы с ней вместе строим домик, это уже другой домик, и он ещё красивее, чем был, потому что его строим мы вдвоём с мамой. И этот день для меня один из самых лучших.

Мне нужно...

Мне очень нужно знать, может ли мама забыть мои закидоны? Она говорит, что ей надоели мои закидоны. Но ведь я уже нашла мишку, его я вчера закинула за диван, а сегодня об этом сказала маме, и мама оттуда достала мишку. Она двигала диван, он катился на колёсиках, а за диваном оказался не только мишка. Там были фломастеры, пластилин, пазлы, сдутый шарик, сломанный грузовичок, мой любимый динозаврик, его я давно искала, и вот, как я рада, нашёлся. Хорошо, что я закинула за диван мишку. А то бы не нашёлся динозаврик. Но мама на меня снова ругалась. Она взяла пылесос и стала пылесосить за диваном, и в пылесос стали затягиваться пазлы, я их еле успела забрать. Мама кричала: «Как мне надоели твои закидоны!» Больше я не закидываю мишку за диван.

И куклу Катю тоже не закидываю. Уже целый день ничего не закидываю. И я достала из-под кухонного стола все разбросанные кубики. Так почему мама кричит, что ей надоели мои закидоны? Почему мама швыряет на пол мои игрушки, кидает об стенку моего мишку? Зачем она вырывает у меня из рук мой сломанный грузовичок с динозавриком и выбрасывает в мусорное ведро? Я сильно плачу, и когда мама уходит в ванную, достаю из мусорного ведра свои игрушки.

Мне очень важно знать, может ли мама забыть мои закидоны?

В церкви батюшка Олег сказал, что люди должны прощать и не помнить зла. Потом мы ехали домой. Папа Паша рулил. Мама держала на руках Витю. Витя, как всегда, спал. А я сидела рядом. Я спросила маму, а закидоны – это зло? Мама сказала – нет. Тогда я сказала: «А ты поэтому не можешь забыть мои закидоны? Потому что это не зло?» Мама сказала, что не понимает меня. Тогда я сказала: «Батюшка Олег сказал, что люди должны не помнить зла. А закидоны – это не зло. И ты поэтому их помнишь. Ты помнишь все мои закидоны, потому что закидоны – это не зло. А я хочу, чтобы они были зло. И тогда ты их забыла бы. Потому что так сказал батюшка Олег».

Мама сказала мне: «Хватит трещать. Трещотка. Ты мешаешь папе, он за рулём. И должен быть внимательным. А ты трещишь». Я стала смотреть в окно. За окном мимо меня ехал город с машинами, людьми и домами. Я рассердилась на маму. Но потом я подумала, что надо прощать, надо не помнить зла. Так сказал батюшка Олег. И я перестала сердиться на маму. Я сказала маме: «Мама, я тебя прощаю. Мама, я не помню зла». Мама засмеялась. А папа Паша погладил меня по голове. А мама сказала папе Паше: «Не отвлекайся от дороги». А мне стало обидно. Почему надо мной смеются. Я ведь человек. Да, я ещё маленькая. Мне пока нет четырёх годиков. Но осталось всего полгода. И я буду большой. И надо мной не будут смеяться. Потому что это только над маленькими смеются. А над большими не смеются.

Под дверью

...А мама посмотрела на меня, ушла в спальню, прикрыла дверь, и молчала. А я сидела под дверью и ждала, когда мама выйдет. Я смотрела в щёлочку, что делает мама. Мама всегда в дверях оставляет щёлочки. Она говорит, щёлочки нужны, чтобы не терять бдительность. Я видела, что мама лежит на коврик перед иконами. Её плечи и спина трясутся. Значит, она плачет. Когда я плачу, у меня тоже плечи и спина трясутся. Я стала прислушиваться. Всхлипывает. Когда я плачу, я тоже всхлипываю. Точно, мама плачет. И ещё она молится Богу. Перед иконами просто так не лежат и не стоят. А тогда, когда молятся. Так мне объясняла мама.

Мама из спальни вышла с красным лицом. Я не стала спрашивать, красила мама лицо или не красила лицо помадой. Я знала – не красила. Потому что я видела через щель, что мама молилась Богу. А значит, она или плакала, или очень сильно плакала. Красным лицо может быть или от слёз, или от помады. Это я точно знаю. Когда я плачу, у меня лицо становится красным. Я проверяла это в зеркале. Поэтому я не стала ни о чём спрашивать маму.

Я подняла голову и смотрела на маму. Мама перекрестилась, перекрестила меня, потом прижала к себе, поцеловала и ушла на кухню. Она не стала кричать на меня в этот раз. Значит, и правда простила мне закидоны? Значит, она послушалась батюшку Олега? Как жаль, мы в церковь ездим только один раз в неделю.

Хорошее настроение...

«Иди одеваться!» – это мама. «А то ты уже сто раз звала?» – это я. Я говорю мамиными словами. Я часто слышу от мамы: «Тебе что, сто раз надо говорить?» Или: «Я тебя уже сто раз звала!» Мне нравится говорить как мама. Потом я сажусь на мамину куртку, на ней очень удобно скользить по паркету. Я говорю: «Мама, смотри, я уже на куртках умею кататься!» На полу крошки яблока. Я слизываю крошки с пола языком и говорю: «А я собака. Гав. Ням-ням». Мама выходит в прихожую и смотрит на меня. Я смотрю на маму и говорю её словами: «Все нервы тебе растрепала, да?» Мама вздыхает и не кричит на меня. Значит, у мамы сегодня хорошее настроение. Наверное, она сегодня много молилась, когда я спала. Когда мама много молится, у неё потом долго хорошее настроение.

Я прыгаю и кричу: «Ура!» Мама зовёт меня на кухню кушать. Я прыгаю и кричу: «Не хочу!» Мама идёт ко мне. Я прячусь за кресло. Она говорит: «Если ты сейчас съешь со мной яичницу, то потом мы сделаем кекс». Я говорю: «А я хочу сейчас кекс, и чтобы я его съела». – «Ну давай борщ нагреем?» – «Ну давай не будем?»

Мы с мамой приходим на кухню. Я смотрю на яичницу и говорю: «А я не помолилась». – «Так помолись».

Я перекрестила себя, так, как это делают папа Паша и мама, сказала: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!» Потом я перекрестила тарелку. Подумала, вспомнила, сказала: «Господи, благослови!» И тут мама сказала мне: «Давай уже ешь». Ну вот, придётся всё сначала начинать. «Мама, ты меня сбила». Я опять крещусь, говорю «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!», крещу тарелку, говорю «Господи, благослови!». Смотрю на яичницу. «Уже всё остыло. Ешь!» – «Мама, ты меня всё время сбиваешь... Опять всё надо сначала... Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Господи, благослови!» – «Ты так до утра молиться будешь!» – «Нет, мама, ты мне не даёшь начать нормально кушать. Я уже совсем расхотела кушать». – «Катя. Я сейчас буду по телефону говорить. Чтобы было тихо». – «И не чавкать?»

Я вылезаю из-за стола и убегаю в свою комнату, надо бежать побыстрее, чтобы мама не успела поймать меня за шкуру. «Катя, а кто будет мне печенье из теста лепить?» – «Не я! У меня выходной». – «Да ты что, у тебя, оказывается, выходной! Что делать, по такому случаю надо включать музыку и танцевать». – «Ура-а-а! Танцева-а-ать! С голубого ручейка начинается река-а-а, ну а дружба начинается с улыбки-и-и!» Я танцую под музыку из компьютера. Мама выглядывает из кухни. Я рада, что мама смотрит на меня. Значит, она меня любит. Ведь если бы она меня не любила, она бы не смотрела на меня. По-моему, маме нравится, как я танцую. «Мама, тебе нравится, как я танцую?» – «Очень!» – «Тогда и мне нравится!»

Я умею летать

В церкви во дворе после службы угощали тёплыми пирожками. В центре двора были поставлены длинные столы, их накрыли прозрачной клеёнкой. Тётяшка, которая даёт после Причастия просфоры, теперь раздавала пирожки. Ей помогали другие тётяшки. Мама мне сказала, что пирожки самые разные, с печёнкой, с творогом, с грибами, с повидлом, с яблоками, с картошкой, с капустой, с рисом и яйцом. Я выбрала, конечно, с повидлом. Ведь самые вкусные пирожки на свете – с повидлом. И давали сладкий компот в бумажных стаканчиках. Мама сказала – это заговенье на Успенский Пост. Я ещё не знаю,

что это такое. Но, наверное, такое же вкусное и сладкое, как компот с пирожками. Одна тётенька-колобок кушала пирожки и всё время говорила: «Нет, я не могу поверить, бесплатное угощение, в наше время и не надо платить денег, нет, такие чудеса бывают только в церкви!» А один дяденька с бородой Карабаса-Барабаса перекрестился и сказал добрым голосом Папы Карло: «Во славу Божию! Спаси, Господи!» Все люди вокруг, тёти и дяди, и дети, все улыбались и кушали пирожки. И звонил колокол. И очень ярко светило солнце. И небо было очень синим. И мой папа Паша кушал пирожки и улыбался мне.

Я извазюкала своё нарядное белое платье с синими цветочками и синими оборками и не знала, можно ли дальше есть пирожки. Мне было боязно, что мама увидит, какая я замарашка. У меня был набитый рот, белая косынка съехала на брови и мешала мне, и в руках я держала два пирожка с повидлом, оба уже надкушенные. Я перестала жевать и смотрела на маму. Но мама улыбнулась, перекрестила меня, поправила мне косынку и сказала: «Ничего, ничего, кушай, кушай, во славу Божию!» Когда мама добрая, то мне кажется, что я умею летать и у меня за спиной есть крылья. Я бегу, бегу, и вот ещё чуть-чуть, и я буду лететь. Это от радости. Ведь сегодня мама добрая.

«Катя, пора спать. Разговор закончен». – «Не закончен. Я буду с тобой до утра разговаривать». – «Катя, обойдёмся без капризов». – «Нет уж. Обойдёмся с капризами». А ночью мне снится, что я вместе с мамой и папой Пашей и маленьким Витей летим по небу, и у нас есть крылья.

Я просыпаюсь, вокруг ещё ночь и очень тихо, но в комнате уже не так темно – значит, уже скоро будет утро. Я слезаю с кровати, но не нахожу горшка. Я опять забыла про горшок. А мама забыла мне вечером напомнить, чтобы я принесла из ванной в мою спальню на ночь горшок. Придётся идти через тёмный коридор, а потом через тёмную прихожую в ванную. Мне хочется плакать. Я вспоминаю папины Пашины слова о молитве, крещусь и шепчу: «Господи, помилуй!» Я не нахожу тапочек и босиком выхожу за дверь. Но что это за радость мне такая? Там, впереди, есть тусклый свет. Он колышется. Это горит свеча. Свечи зажигают, когда молятся. Значит, кто-то в зале есть. Или папа Паша, или мама. Но идти надо очень тихо, чтобы не мешать молитве. Я на цыпочках дохожу до двери в зал. Так и есть. Там папа Паша. Он стоит на коленях перед иконами с молитвенником в руках. На столе горит свеча. Как хорошо у меня на душе. Папа Паша молится Богу. С нами Бог. Нам ничего не страшно.

На даче

Дача – это счастье. Потому что на даче мама почти не кричит на меня. Ну почти ни капельки. А если и кричит, то на даче очень много места и можно очень быстро убежать от мамы и спрятаться в саду, или в кустах, или за сараем, или через дырку в заборе умчаться в соседский сад, там тоже очень много места. А если мама даже и найдёт меня, то можно убежать к папе Паше и спрятаться у папы Паши на руках. А папа Паша никогда на меня не кричит, и маме не разрешает на меня кричать. На даче папе Паше не надо уезжать на работу, и папа Паша всегда рядом. Может, поэтому мама не кричит на меня, потому что я под папиной защитой? А может, потому, что я всегда во дворе, и почти не захожу в дом, и почти не попадаюсь маме не глаза? На даче мы с папой Пашей на газоне играем в мячик, а потом в прятки. А потом приходит мама, и мы все вместе снова играем в мячик. Это счастье, вместе с папой Пашей и мамой играть в мячик, это счастье.

На даче к нам в гости приходят Митя, Наташа, Сонечка, Илюша. Это соседские дети. Мы вместе играем. И ходим друг к другу в гости. Как хорошо, когда дома много детей. Это так интересно, дружно, весело, и совсем не скучно тогда жить на свете. Я просила у мамы и папы Паши сделать нам дома много своих собственных детей. Папа Паша сказал, что если будет на то воля Божья, то обязательно ещё появятся новые дети. Какая хорошая, какая прекрасная новость. У нас будет много собственных, не соседских, а настоящих, своих, собственных детей, прямо у нас, не далеко, а тут, в наших комнатах, в нашей кухне, ванне, спальне. И тогда мама не будет говорить мне: «Отстань, не приставай, не ходи за мной хвостом, не мешай, мне некогда, отцепись». Потому что когда много детей, уже на маму ни у кого не будет оставаться времени, все будут играть друг с дружкой, и не нужно будет к маме прицепливаться, ходить хвостом, канючить, нудить. Представляю, как мама будет тогда рада, что её, наконец, все оставят в покое. Она любит говорить мне: «Оставь меня в покое». И вот, её мечта исполнится. Ведь когда дома много детей, то у них, у детей, своих забот полный рот, тут уже будет не до мамы. Может, тогда она будет меньше на меня кричать, а будет кричать на всех поровну, на каждого понемножку, и будет всем не обидно и будет всем хорошо. Скорее бы папа Паша и мама сделали много, много детей.

На даче можно до самой темноты бегать во дворе. «Мама! Папа Паша! Ёжик вылез целый! Целый!» Я показываю маме и папе Паше руками, какой настоящий целый ёжик и зову во двор. Мама берёт на руки Витю, папа Паша откладывает книгу и берёт меня за руку, мы идём смотреть ёжика.

«Мама, папа Паша, вы знаете, почему мне цветочки покачали головками?» – «Нет» – «Нет». – «Потому что я на них пописяла!»

На даче мне разрешают спать рядом с мамой и папой Пашей и Витей. У нас общая большая комната. И это тоже счастье. Когда я засыпаю, я говорю папе Паше и маме свою мысль, эта мысль мне пришла в голову: «Кто слушается родителей, тот слушается Бога. А кто не слушается родителей, тот слушается бесов». Когда я уснула, я вспомнила, что забыла важное сказать. Важное – для папы Паши. Он *этого* не знает. Потому что *это* мама *мне* говорила, а папе Паше *этого* никто не сказал, и он не знает такого важного. Я проснулась и сказала папе Паше: «Не ешь на ночь много арбуза, а то ночью уписешься». Папа Паша засмеялся и ответил: «Ну и ничего не случится». – «Будешь плакать». – «Если я уписюсь, то мама будет плакать». Мама и папа Паша засмеялись. Станные взрослые. Когда говоришь им серьёзные вещи, они смеются. А когда начинаешь их смешить, они кричат. Как, например, мама. У мамы совсем плохо с чувством юмора.

Утром папа Паша балуется со мной, и говорит страшным голосом: «Люблю на завтрак кушать умненьких девочек!» Я убегаю во двор и кричу: «Я глупенькая!»

«Папа Паша, иди скорее, смотри, какая я умница, я убрала все игрушки в ящик!» – «О, молодец!» – «Это ты меня сейчас хвалишь?» – «Да, хвалю». Я ничего больше не говорю. Мне так хорошо на душе. Я киваю сама себе.

«Папа Паша, а чтобы стать святой, нужно быть доброй до вечера?»

На даче можно с папой Пашей, сколько хочешь, разговаривать, даже когда он пропалывает грядки и поёт «Богородице, Дево, радуйся...», а я хожу рядом и всё поливаю из лейки. Я жду, когда папа Паша закончит петь молитву, и сразу начинаю с ним разговаривать. И папа Паша не отмахивается от меня, и тогда я чувствую себя человеком.